

тели непосредственных производителей и жили на монастырской земле в положении крепостных" (стр. 10). Невольно возникает вопрос: что хочет сказать автор этим „дополнением“? — Если только то, что зависимые, прикрепленные к земле колонны сидели и на монастырских, и на церковных землях, — это положение правильно и бесспорно, — то стоило ли выражать эту мысль столь мудреным способом? Если же автор хотел сказать нечто большее, если он считает, что в ранней Византии имелась еще одна группа зависимого крестьянства, факт существования которой не получил отражения в кодексе Юстиниана, то следовало развернуть это положение, обосновать его. Но именно этого автор и не делает: ведь филологическое сближение сирийского слова, означающего „сидеть“, с хорошо известным термином византийского феодального права более позднего времени не является доказательством, по крайней мере, — достаточным доказательством того, что, помимо перечисленных автором, существовала еще особая категория „крепостных“, сидящих на церковно-монастырских землях. Да и сам автор, подводя итоги данному им анализу социального состава непосредственных производителей (на стр. 13), уже „забывает“ об этой группе: он не говорит о ней более, а в документах не дает текста, подтверждающего его гипотезу.

В таком виде положение Н. В. Пигулевской способно вызвать вполне обоснованные сомнения читателя; не включенное самим автором в его общие выводы по вопросу об аграрных отношениях в Византии IV—VI вв. и не подкрепленное соответствующими документами, оно повисает в воздухе.

Относительно вводной статьи второго раздела „Сборника“ (она трактует проблемы славянской колонизации и развития византийского феодализма в VII—IX вв. и принадлежит перу Е. Э. Липшиц) надо заметить прежде всего, что в этой статье было бы вовсе не лишним четкое отмежевание — на основании гениального учения И. В. Сталина о языке — от марристских заблуждений в области затрагиваемых автором вопросов. Известно, что имеющая более чем столетнюю давность концепция иллирийско-фракийского происхождения южного славянства получила в свое время „подкрепление“ в пресловутой теории „взрывов“ Н. Я. Марра и не так давно была в новой марристской одежде преподнесена советскому читателю академиком Н. С. Державиним. Поэтому отмежевание от этой концепции в данном случае явилось бы вполне уместным.

Вызывает сомнение положение автора о том, что императоры-иконоборцы в своей внутренней политике „предприняли ряд реформ в направлении, подсказанном требованиями народных масс“ (стр. 68, разрядка наша. — Н. С.). В качестве доказательства этого тезиса Е. Э. Липшиц указывает на иконоборческое движение, поднятое Исаврами, на Эклогу, в которой „провозглашалась необходимость борьбы с поборами судейских чиновников“ (стр. 68), и „Земледельческий закон“, — законодательные памятники, связываемые с именами Льва III и Константина V. Однако против выдвигаемого автором объяснения реформ Исавров, которые якобы были „подсказаны“ народными массами, говорит ряд соображений: восстание Фомы Славянина — движение несомненно народное и массовое — шло не под иконоборческим, а скорее под иконодальским знаменем; что касается поборов судейских чиновников, осужденных „Эклогой“, то они не поощрялись ведь и кодексом Юстиниана; наконец, неубедительна ссылка автора и на „Земледельческий закон“: издание этого законодательного памятника, признававшего крестьянскую общину, фиксировавшего